

Р. ДОСТАЛОВА

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОМАНА
В ВИЗАНТИИ XII ВЕКА

Общезвестно, что в Византии на всем протяжении ее существования пользовались популярностью античные любовные и авантурные романы. О популярности Ахилла Татия и Гелиодора свидетельствуют не только большое количество рукописей¹, но и высказывания филологов, начиная с оценки их стиля, сделанной Фотием в IX веке, последующего сопоставления Ахилла Татия и Гелиодора в XI в., богословско-этического толкования Филиппа Философа в XII в. и кончая составленным в неоплатоническом духе аллегорическим прологом к Эфиопикам номофилакты Иоанна Евгеника в XV в.² О большом числе даже весьма образцованных читателей романов мы можем прочесть еще в XI в. у Пселла³.

«Собралось множество любителей словесности, они читают книгу о Хариклии», — говорил в XII в. Филипп Философ, которого ныне принято обычно отождествлять с архиепископом Феофаном Керамитом из южноитальянского города Россано⁴. О повышенном интересе к античному роману в XII в. говорят также стихи из 6-й книги Никиты Евгениана (стих 439—450), служащие доказательством того, что автор хорошо знал роман Лонга «Дафнис и Хлоя», который в других византийских источниках не упоминается.

Несмотря на повышенное внимание, которое в последние годы уделяется византийскому роману XII в.⁵, до сих пор не ставился вопрос о том, почему именно этот период оказался благоприятным для расцвета жанра романа и какие конкретные изменения были в нем вызваны — невзирая

¹ Dörrie H. De Longi, Achillis Tatii, Heliodori memoria: Diss. Cöttingen, 1935.

² См.: Gärtner H. Charikleia in Byzanz // Antike und Abendland. 1969. 15. S. 47—69.

³ Michael Psellus. The Essays on Euripides and George of Pisidia and on Heliodorus and Achilles Tatius / Ed. A. R. Dyck. Wien, 1986. P. 90: «Πολύους οἶδα καὶ τῶν ἄλλων πεκαίδευμένων ἀφισθητόντας περὶ τῶν δύο τούτων συγγραμμάτων».

⁴ Gärtner V. Op. cit. S. 61—64; Gerald N. S. Neoplatonism and Byzantine Allegorical Literary Interpretation // The 17th Intern. Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers. Wash., 1986. P. 305—306; Полякова С. В. Из истории византийского романа. М., 1979. С. 44—48; Толкование целомудренной Хариклии из уст Филиппа Философа.

⁵ Gigante M. 11 romanzo di Eustathio Makrembolites // Akten des XI Intern. Byzantinistenkongresses, München, 1958. München, 1960. P. 168—181; Алексидзе А. Византийские романы XII в.: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Тбилиси, 1965; Kazdan A. P. Bemerkungen zu Niketas Eugenianos // JÖB. 1967. 16. S. 101—117; Полякова С. В. О хронологической последовательности романов Евматия Макреволита и Феодора Продрома // ВВ. 1971. Т. 32. С. 101—117; Ciprari C. Un caso di giudizio di Dio nel romanzo di Teodoro Prodromo // Riv. di st. biz. e neoell. NS 1973/4. 10—11. P. 147—168; Alexiou M. A Critical Reappraisal of Eustathios Makrembolites Hysmine and Hysminias // Byzantine and Modern Greek Studies. 1977. 3. P. 23—43; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. II. S. 119—142; Полякова С. В. Из истории византийского романа. М., 1979; Jeffereys E. M. The Comnenian Background to the Romans d'antiquité // Byzantion. 1980. 50. P. 455—486; Hunger H. Antiker und byzantinischer Roman // Sitzungsberichte d. Heidelb. Akad. d. Wiss. phil.-hist. Kl. Jg. 1980. Heidelberg, 1980. Abh. 3; Beck H.-G. Byzantisches Erotikon: Orthodoxie—Literatur—Gesellschaft // Sitzungsberichte Bayerische Akad. d. Wiss. phil.-hist. Kl. Jg. 1984. München, 1984. H. 5. S. 114—118; Мелетинский Е. М. Средневековый роман. М., 1983. С. 9—27.

на все совпадения мотивов с античными образцами — условиями и вкусом, свойственными данной эпохе.

«Появление четырех любовных романов, причем много столетий спустя после выхода в свет последнего позднеантичного романа, вызывает удивление», — говорит Х.-Г. Бек⁶, объясняя это явление тем, что в XII в. античные романы — особенно вследствие своего стиля — относились уже к классическим произведениям⁷, т. е. к образцам, которые рекомендовались для подражания. Однако такая рекомендация касалась лишь их хорошего стиля, ведь наряду с Левкиппой и Хариклией, т. е. наряду с Ахиллом Татием и Гелиодором, к числу рекомендуемых авторов относился также Юлиан Отступник⁸. Аллегорическое толкование содержания, причисление Гелиодора и Ахилла Татия к христианам — все это оправдывало чтение античных романов, но не объясняет нам, почему создавались новые произведения.

В начале своего изложения о Хариклии Филипп Филосов говорит: «Поскольку человеческая природа разделяется на мужскую и женскую, а им обеим в равной мере присущи добродетель и порок, книга сопоставляет оба пола». Итак, византийский литературный критик подчеркивает равноценность мужского и женского литературного героя.

Некоторые теоретики литературы уже в связи с возникновением античного романа задавали себе вопрос, был ли он хотя бы отчасти обращен также к женской половине читающей общественности (Антоний Диоген посвятил свой роман сестре Исидоре), указывая на свойственную той эпохе более высокую грамотность женщин и на то, что роман, в котором выделяется главная героиня, выражает скорее женские идеалы. Интимный характер жанра, которым можно было наслаждаться в домашнем уединении, как будто также мог облегчить женщинам доступ к этому виду литературы⁹. С другой стороны, Бек, конечно, причисляет византийские романы именно к тем произведениям, язык и стиль которых и число содержащихся в них мифологических намеков предъявляют к образованности читателя высокие требования.

Попробуем в связи с этим ответить на вопрос, каковы же были уровень образования и общественное положение женщин в Византии XI—XII вв., причем для нашей цели, естественно, имеются в виду женщины, принадлежавшие к высшим, в первую очередь аристократическим кругам. Ответ в значительной степени облегчает материал, собранный в докладе А. Е. Лаиу, прочитанном на византиноведческом конгрессе в Вене¹⁰.

Пселл в хвалебном тексте, посвященном матери, подчеркивает, как его мать благодаря собственным усилиям научилась читать, как она всякий раз после его возвращения из школы расспрашивала его о сделанных им успехах, будь это орфография или поэзия, и как она бодрствовала с ним по ночам, когда он читал¹¹. Дочь Пселла, умершая в возрасте девяти лет, уже успела приобщиться к основам хорошего образования — ее отец гордится тем, что девочка была «первой среди своих одноклассниц»¹². Женщины, в особенности принадлежавшие к аристократическим кругам, занимали с конца XI и начала XII вв. значительное место в обществе и принимали участие в финансовых и экономических делах. С оживлением городской жизни после XI в. связана также большая занятость женщин в мелкой торговле, в производстве и продаже продовольственных продуктов, причем их активная экономическая роль распространялась на обще-

⁶ Beck H. G. *Byzantinisches Erotikon*. München, 1984. S. 123.

⁷ Ibid. S. 126—127.

⁸ Ibid. S. 114; Bekker I. *Anecdota Graeca*. B., 1914. P. 1082 (XII в.).

⁹ Hägg T. *The Novel in Antiquity*. Oxford, 1983. P. 95—96.

¹⁰ Laiou A. E. *The Role of Women in Byzantine Society* // XVI. Intern. Byzantinistenkongress // JÖB. 1981. 31.1. P. 233—260.

¹¹ M. Psell. *Ἐγκώμιον εἰς τὴν μητέρα αὐτοῦ* // Μεσαιωνική βιβλιοθήκη / Ed. by K. N. Sathas. Venetia, 1876. V. P. 11, 12, 21.

¹² Ibid. P. 65—66.

ственные дела и давала широкие возможности общения с мужчинами, чем это до сих пор предполагалось¹³. По А. Лаиу, представления об изолированном существовании женщин в женских комнатах (*γυναικωνίτις*) именно после XI в. соответствуют уже не действительности, а только идеалам. Конечно, Анна Комнина в «Алексиаде» еще считает своей обязанностью обширно оправдывать участие своей матери, Ирины Дукены, в походах Алексея (*Ann. Comn.* XII. 3), ссылаясь на необходимость всесторонней заботы о муже, но и здесь дело идет не только об обычных женских заботах. Согласно Анне, главной задачей Ирины были бдительная охрана императора от козней политических противников, императрица была для Алексея *σύμμαχος* и *σύμφοτος σύμβουλος*, т. е. союзником и естественным советчиком. Подобные и еще более важные задания выполняла для него еще его мать, Анна Далассина, портрет которой Анна Комнина рисует в другом месте своей книги (III. 7). Сама она гордо подчеркивает собственную образованность и начитанность (Введение. I, 2), что является также одним из центральных мест в траурной речи Георгия Торника, посвященной Анне¹⁴. Одним из общих мест похвалы является интеллектуальное равенство женщин и мужчин или даже более высокий уровень первых вследствие сочетания женских и мужских достоинств: в случае Анны подчеркивается *ψυχὴ ἀρενοπρεπής, τὰ ἐν ἀνδράσιν πλουτεῖν ἀριστεία*; она *γυνὴ σοφωτέρα ἀνδρῶν καὶ λόγοις καὶ πράξει ὑπερέχουσα*¹⁵.

Однако это не было привилегией только женщин-аристократок: Пселл в надгробном слове говорит о своей матери, что она была *ρωσθεῖσα τὴν ψυχὴν καὶ ἀρρενοθεῖσα, μᾶλλον δὲ στερροτέρα... τῆς ἐτέρας μερίδος τοῦ γένους*, и подобно Анне Комнине, Пселл также отзывается о своей матери как о *σύμβουλος* и говорит о возможности сотрудничества с ней¹⁶. Все эти места напоминают нам уже приведенную исходную фразу защиты Хариклии у Филиппа: «Книга сопоставляет оба пола, им обоим в равной мере присущи добродетель и порок».

Как отмечала еще А. Лаиу¹⁷, возрастающая роль знатных женщин была связана с повышением значения аристократии как класса. В основе его могущества лежали латифундии, и именно женщины часто владели землей в качестве части неотчуждаемого приданного. Усиление влияния этого класса можно наблюдать начиная с конца XI в., т. е. после объединения семейств Дука и Комнинов благодаря браку Алексея I и Ирины. С этим процессом связано также изменение в отношении к грамотности и образованности женщин. В выпаде Цеца *κατὰ γυναικῶς σχεδογραφούσης*: *ἀντὶ μὲν ἰστοῦ τὸν τόμον χερσὶ φέρεις* можно видеть свидетельство о растущем числе женщин, которые брались за книгу¹⁸.

В то время как родители Анны Комнины все еще неблагоприятно относились к светскому образованию, о чем мы знаем из речи Георгия Торника, и видели опасность в чтении античной поэзии, полной безбожных мифов и незаконной любви¹⁹, Анна уже тайком занималась ею, пользуясь услугами одного образованного внука (*κατατολμᾶ... ποιήσεως*). С мужем, Никифором Вриением, она «сделала из императорского двора убежище Муз» (*μουσεῖα πεποιήκατε τὰ βασιλεία*), куда приходили известные литераторы (*οἱ τῆς γραμματικῆς ἡγεμόνες καὶ ὁ σοφιστῆς καὶ ὁ ὕπατος ἀντεισησάν τε καὶ ἀντεῆξσαν*).

Г. Торник видит в Анне читательницу, которая занималась произведениями литературы не только для изучения грамматики, но и ради

¹³ *Laiou A. E.* Op. cit. P. 243—249.

¹⁴ *Darrouzès J.* Georges et Démétrios Tornikes: Lettres et discours. P., 1970. P. 225, 245, 255, 261, 263, 281—283, 287, 301, 311, 319.

¹⁵ *Ibid.* P. 315—319.

¹⁶ *Psell M.* Ἐγκώμιον εἰς τὴν μητέρα αὐτοῦ. P. 7: «ὅτι δὲ μὴ ἀρρενα τὴν φύσιν ἔλαχε, μὴ δὲ ἐξῆν ταύτη ἀδεῶς λόγους προσομιλεῖν, ἐν δεινῷ ἐποι εἶτο»; P. 16, 21.

¹⁷ *Ibid.* P. 251.

¹⁸ *Mercati S. G.* Giambi di Giovanni Tzetze contro una donna schedografa // BZ. 1951. 44. S. 416—418.

¹⁹ *Darrouzès J.* Op. cit. P. 245.

наслаждения чтением, она умела над ними и огорчаться и смеяться²⁰. По его словам, Анна не была одинокой в своих интересах — ее сестра и дочь Ирина также любили литературу²¹.

Во время правления Мануила I мы уже видим при императорском дворе по крайней мере двух женщин — покровительниц литераторов или литературных кружков; еще до этого аналогичное упоминание об Анне Комнине есть у Георгия Торника²². Анна Комнина оказывала поддержку главным образом тем, кто занимался серьезным изучением богословия и философии. Императрице Ирине, супруге Мануила I, Цец посвятил «Аллегории Илиады»; ему также покровительствовала ее родственница, севастократорисса Ирина, по инициативе которой Константин Манассия написал свою Хронику. Она же благоволила Феодору Продрому, который в ее честь сочинял разные хвалебные стихи²³, и в особенности так называемую «Манганию» Продрому, своему придворному поэту. Э. М. Джеффрис²⁴ указывает на то, что особенно во второй половине сороковых годов XII в. в стихах Мангания появляется фразеология, близкая к романам (рана, нанесенная Эротом, огонь любви) и что в одном из его стихотворений, написанных для Ирины, есть упоминание о романе Ахилла Татия²⁵. Джеффрис допускает гипотетическую возможность того, что романы Феодора Продрома и Константина Манассии были созданы по инициативе севастократориссы Ирины²⁶, хотя этому и нет прямых доказательств. В конце концов, уже раньше была сделана попытка отождествить героев романа Никиты Евгениана Харикла и Дросиллу с лицами придворного круга, а именно: с великим друнгарием Стефаном Комнином и его женой Евдокией, дочерью великого domestika Иоанна Аксуха, на основании совпадения нескольких стихов в романе со стихами в эпиталаме, посвященной Стефану и Евдокии²⁷, и таким образом связать византийский роман XII в. с византийским двором.

Читая «Алексиаду» Анны Комнины, которая пишет, что ее мать занималась только серьезной и религиозной литературой и даже за накрытым столом читала произведения отцов церкви и мистика Максима Исповедника, о которых юная Анна с почтением думала, что они «вызывают просто головокружение у читателей»²⁸, мы едва ли можем себе представить любовный роман в качестве литературы для чтения при византийском дворе, особенно, если читателями богословских книг также были мужчины²⁹. Но мы, конечно, знаем, что сама Анна уже умела наслаждаться античной беллетристикой и поэзией.

Рассмотрим теперь подробнее характерные черты аристократии XII века. Никита Хониат характеризует Иоанна Комнина (1118—1143) как человека, который на глазах общественности сохранял серьезность и достоинство, но в узком кругу друзей умел быть остроумным и любил смеяться³⁰. Зато о молодом Мануиле (1143—1180) он уже пишет как

²⁰ Ibid. P. 255, 281.

²¹ Ibid. P. 311; 317.

²² Ibid. P. 283: «Τεκμήριον τοῦ ταύτης φιλομαθοῦς τὰ πρὸς αὐτὴν ἐκπεφωνημένα τῶν παρ' ἡμῖν φιλοσόφῳ πονήματα... Ἐγὼ δὲ καὶ τοῦ ἐξ Ἐφεσίων ἠχηχόσιον σοφοῦ ταύτη τῆς τῶν ὀφθαλμῶν ἀβλεψίας τὴν αἰτίαν προσεπιρίπτοντος, ὅτι παννύχιος σχολάσειεν αὐπνίαις ἐπὶ ταῖς τῶν Ἀριστοτελείων, κελύουσας αὐτῆς, ἐξηγήσειεν».

²³ Hörsdörfer W. Theodoros Prodromos: Historische Geschichte. Wien, 1974. S. 399—430, 43—45; Tzetzēs I. Epistolae / Ed. P. A. M. Leone. Leipzig, 1972. P. 77.56.

²⁴ Jeffreys E. M. Op. cit. P. 455—486.

²⁵ Marc. Gr. XI.22.F.64r, FF.52v—53r (стихотворение «Εἰς τὸν Ἑρῆτα» указывает на влияние Ахилла Татия). См.: Jeffreys E. M. Op. cit. P. 478. Not. 96; P. 479, Not 97.

²⁶ Jeffreys E. M. Op. cit. S. 480.

²⁷ Kazdan A. P. Bemerkungen zu Niketas Eugenianos // JÖB. 1967. 16. P. 101—117.

²⁸ Alex. V. 8, 9, 3; XII. 3, 2.

²⁹ Alex. XIV. 8, 9; Darrouzēs J. Op. cit. S. 243: γινῶσιν μὲν γὰρ ἐκεῖνοι καὶ παιδείαν τὴν ἐν λόγοις καὶ μάλιστα τετιμηχάσι, ἀλλὰ τὴν θείαν, ἀλλὰ τὴν ἐξ οὐρανῶν, ἀλλὰ τὴν ἐν Πνεύματι, ἣν ἐμπνευσθέντες... τὸν νοῦν ἐσορίστησαν ταῖς τῶν ἱερῶν ἐπαφαῖς πυξίων καὶ ταῖς ἐξ ἐκείνων καὶ περὶ ἐκείνων διαλέξεσι.

³⁰ Nicetas Acominatae Historia / Rec. J. A. van Dieten. B., 1975 (Далее: Nic. Chon.). P. 47.

о человеке, полном страстей (ἐρωτικός), предающемся распутной жизни и пиршествам и пользующемся всеми утехами молодости и любви, где только представлялась для этого возможность (Ibid. P. 54). Однако, он умел сосредоточить вокруг своего двора также и образованных людей. И в более поздние годы Мануил любил наслаждаться жизнью и ее радостями: хорошей едой, пением и игрой на струнных инструментах (Ibid. P. 206), но в то же время занимался и дискуссиями на богословские темы (Ibid. P. 210—219). Император Андроник (1182—1185), по словам Хониата, отличался образованностью (Ibid. P. 229: «ἦν γὰρ, εἰ καὶ τις ἄλλος γραμμάτων ἔμπειρος») и уважал образованных людей (Ibid. P. 331), но из-за своих любовных историй, тюремного заключения и побегов он сам уже мог стать героем романа.

Если в первой части статьи мы говорили о грамотности и определенной степени образованности как основной предпосылке чтения в целях развлечения, то второй предпосылкой является известная возможность для читателя отождествить себя с литературным героем, возможность проникнуть мысленно в его поведение и образ мысли. Попробуем сопоставить некоторые характеристики героев романов с современными им историческими лицами, с которыми мы встречаемся у Никиты Хониата:

Иоанн Дука был благородного происхождения, образованный и знающий военное дело (Nic. Chron. p. 94: ἀνὴρ ἐρμαϊκὸς ὁμοῦ καὶ ἀρεϊκός... καὶ γένους εὖ ἔχων καὶ μεθόδων ἰδρύς στρατηγικῶν).

Константин Ангел также происходил из знатной семьи, рослый и красивый (Nic. Chron. p. 95: «γένους ἦν εὐπαρόφου πάνυ καὶ εὐγενοῦς, εὖ δ' ἔχων τῆς σωματικῆς φῆς κ' ἀπὶ τοῦ προσώπου λειμῶνα κάλλους κηπεύων»).

Хониат считал Иоанна Каматира заслуживающим сравнительно большого отступления от главной линии рассказа, хотя он и не отличался особенным образованием; зато он был крупного роста, сильный, красноречиво говорил, любил хорошо поест и выпить, умел петь и играть на струнных инструментах, но в то же время был отважным воином (Nic. Chron. p. 113—115: «ἠρωϊκοῦ δὲ σώματος μετέχων... οὐκ ἀπόμαχος ἦν, ἀλλ' ἔβλεπε γενναῖον καὶ τοῦ αἵματος ἄζιον»).

В заключение, Хониат дает следующую оценку своему отступлению, которое нарушило правила историографии: «Думаю, что оно не осталось без пользы для читателей, будучи в то же время очень красивым и привлекательным», — автор понимает эстетические потребности читателя, так же, как и Евматий Макреволит, который по эстетическим соображениям украсил свою книгу «χάρισιν ἐρωτικαῖς καὶ τοῖς ἄλλοις ὅσα βιβλοῦς κοσμοῦσι καὶ τοὺς λόγους κατακαλλόνουσι».

Идеалу аристократа, так, как его изображает Хониат, соответствует Дозикл у Феодора Продрома (Theod. Prodr. II. 251—178). Характерными чертами идеальной мужской красоты являются σταθερότης, ἀλκή, εὐανδρία, ἰσχύς, δεξιὰ θαρραλέα, умение сражаться на море и на суше, знать πάντας ἀπλῶς τῆς στρατηγικῆς λόγους.

Но даже для юного безусого и светловолосого Харикла (Nic. Eugen. IV. 80—85) можно найти параллельных героев в юнцах дружины Андроника Nic. Chron. p. 139), Отец Дозикла — μέγας στρατηγός (Theod. Prodr. II. 173), а отец Роданты — богатый и могущественный человек (Ibid. II. 213—14; 236—7).

Писатели романов уделяют большое внимание героиням своих произведений. Продром говорит о Роданте (Theod. Prodr. I. 39—60): ἦν οὖν τὸ κάλλος τῆς κόρης χρῆμα ξένον, ἀγαλμα σεπτόν, εἰκόνας θείας τύπος εἰς εἶδος Ἀρτέμιδος ἀπεξερμένον... καὶ καλὴ πᾶσα πλάσις. Хониат подобным образом описывает вторую жену Мануила, Марию Антиохийскую: ἦν δὲ καλὴ τὸ εἶδος... καὶ καλὴ λίαν, καὶ ἕως σφόδρα καλὴ καὶ τὸ κάλος ἀξυμβλητος ὡς μῦθον εἶναι ἀτεχνῶς πρὸς αὐτὴν Ἀφροδίτην, Ἦραν и т. д. (Nic. Chron. p. 116). Ее отец был ἱππότης ἀκράδατος. Когда Гобрий предлагает Дозиклу дочь Мистила, он также подчеркивает ее происхождение (ὄγκος ἀξίας) и богатство (ἀργύρου, χρύσου βάρος) (Theod. Prodr. III. 370—373).

Стилистические совпадения в характеристике героев не важны для

нашей цели, потому что как писатели романов, так и историки руководствуются одними и теми же правилами риторики. Но зато важно подчеркнутое внимание к благородному происхождению, то, что герои гордятся аристократической родословной обоих родителей, что особенно отчетливо видно в романе Феодора Продрома (*Ibid.* II. 233—245), где читатель мог найти выражение своих собственных аристократических идеалов. Сочетание сына «великого стратига» с дочерью отца, который τῆ πόλει μέγιστος εἰς συμβουλίαν (*Theod. Prodr.* II. 237), является отражением политических стремлений того времени, когда Комнины с помощью браков монополизировали для своего рода военные и административные должности³¹.

Если мы читаем у Никиты Хониата (*Nic. Chon.* p. 220), что астрологи предсказывали больному Мануилу незадолго до его смерти, что у него еще будет время для любви и битв, то мы вправе считать, что именно эти ценности, которые подчеркиваются также и в романе (товарищи Дозикла, νέοι ἀγαθοὶ καὶ φιλεῖν εὖ εἰδότες, располагались на верхних ступенях шкалы ценностей, признаваемых элитой той эпохи).

Эпизод любви Андроника к Филиппе описывается Хониатом с использованием чисто художественных средств. Подобно тому, как Эрот у Харитона (*Charit.* 6, 7, 1) постоянно вызывает в своей памяти персидского царя и рисует ему образ Каллирои, чтобы пробудить в нем «огонь желания», Афродита разжигает в Андронике безумие любви, «рисует» ему образ Филиппы. В своем дальнейшем описании любовной связи Хониат, подобно писателям романов, пользуется метафорами из военной жизни, например «сбежать к любимой» (πρὸς τὴν ἐρωμένην αὐτομολεῖ; ср.: *Eut. Macremvol.* II. 14, 4: λειποταξίας τῷ ἐρώτι) и метафорой о рабском служении любимой женщине — Андроник является рабом Филиппы, как когда-то Геракл был рабом Омфалы. Мифологическая метафора используется здесь для изображения придворной любви³².

На отражение современной эпохи в византийском романе XII в. указывалось уже не раз³³. Перечень мест, где есть реалии данного времени, конечно, можно еще продолжить. Читателю того времени, например, не были чужды нападения пиратов, на которые жалуется также и Никита Хониат (*Nic. Chon.* p. 55: καὶ ὄν... θαλασσοκρατοῦσιν οἱ περῆται καὶ κακῶς πεπράγασι ταῖς ληστρίσιν οἱ παραθαλαττίδιοι Ῥωμαίων κῆραι) или ограбление потерпевших крушение кораблей жителями прибрежных городов (*Ibid.* p. 326: καταγίδος χεῖρους ὄραν τοὺς ἐκεῖσε πη λαχόντας τὴν οἰκῆσιν, διασπῶντας καὶ ἀφαρπάζοντας ὅποσα μὴ παρέσυρε θάλασσα). Эти места хорошо соотносятся с соответствующими местами у Феодора Продрома (*Theod. Prodr.* I. 5. f.) о нападении ληστρικὴ ναυαρχία на Родос, с набегом на Барз у Никиты Евгениана (III. 24. f.) и с описанием подобных сцен у Евматия Макремволита (VIII. 2, 1—3; 9, 2: ἡμεῖς δ' Ἑλληνικὴν βαρβαρικῆς δουλείας ἀντηλλατόμεθα... ὁμογλώτοις Ἑλλῆσιν ἐδουλογραφοῦμεθα)³⁴.

³¹ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 260.

³² Полякова С. В. Элементы куртуазной концепции любви в древнегреческой литературе: Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 231—233; *Ferluga S. J.* La ligesse dans l'empire byzantin // ЗРВИ 1961. 7. Р. 105 (δουλεία — вассальное подчинение); стиль, используемый в романах, заметен и у Никиты Хониата (*Nic. Chon.* p. 132, 16—21, где φθονερὸς Τελχῖν соответствует понятию βασκανος Τύχη или βασκανος δαίμων у писателей романов). Именно Мануил верил в неизбежность судьбы, господствовавшей также и над героями романов (*Ibid.* p. 95—96: «Δοξάζων δ' ὁ Μανουήλ... ὡς... τὸ «εἰμάρτο» καὶ ἀτὰ δεδομένα» τῆ ἀνάγκῃ ἀναλλοίωτα τε καὶ ἀνεπίκλωστα»). Хониат предоставляет читателю возможность решить, верить ли в судьбу или нет (*Ibid.* p. 433, 2—5).

³³ См.: Каждан А. П. *Op. cit.* Not. 27; *Hunger H.* *Op. cit.* S. 11.

³⁴ Описание пиршеств в значительной степени соответствует действительности. Ягненок, начиненный мелкими птичками (*Theod. Prodr.* IV. 122—129), которым угощает и удивляет Гобриас Атраксана, имеет свою параллель у Цеца (*Joan. Tzetzes.* *Epist.* / Ed. *Cramer* // *Anecdota.* Охониенсия. 3, 16) — там говорится о рыбах, наполненных мелкими птичками, или о курах, начиненных мелкой ры-

Характерным для данного времени является также своего рода «богословский» диспут (или, может быть, пародия на такой диспут?)³⁵ о том, следует ли приносить в жертву «прекрасных людей» богам, который мы находим у Феодора Продрома (*Theod. Prodr.* VII. 392—515; VIII.50—81), где встречаются такие понятия, как *ἄσαρκος θεία φύσις* (*Ibid.* VIII. 65), боги характеризуются словами *τέκτονες, κεραμεῖς*, напоминающими термин *πλάστης*, используемый для христианского бога. На императорскую византийскую идеологию в этой дискуссии намекает стих: *καλὸν βασιλεὺς καὶ καλοῦ παντός πέρα* (*Ibid.* VII. 504), в котором император как абсолютное прекрасное и доброе существо стоит над всеми другими людьми, и стих VIII. 51, где автор властительно напоминает о *φιλανθρωπία*.

Об этой дискуссии при описанном в романе дворе правителя напоминает нам место у Никиты Хониата (*Nic. Chron.* p. 209—210), где Мануил представлен в качестве ревностного богослова, который на селениях читал доклады о богословских проблемах и вызывал дискуссии о различных местах в священном писании. Одна из этих дискуссий как раз касалась места из литургии Иоанна Златоуста: *τὸν σεσαρκωμένον θεὸν προσφέρειν τε ὀμοῦ καὶ προσφέρειν τε*.

Византийская политическая идеология, в центре которой лежало понятие *τάξις, εὐταξία*, сформулирована в рассуждении, которое мы находим в седьмой книге Феодора Продрома (*Theod. Prodr.* 361—385), где говорится о разделении обязанностей и прав в обществе между правителем и его подчиненными, в соответствии с которым естественный порядок (*φυσικός λόγος*) каждому отводит его место в обществе и без которого не существовало бы ни *καλῶν, μέτρον, στάθμη βίου* (общественного равновесия), ни *εὐταξία* (порядка) и вообще произошло бы крушение общественного строя: *τὸ πᾶν δὲ κατέστραπτο καὶ παρεφθάρη*.

Теорию естественного неравенства людей Продром выразил в другом месте (PG. 133, Col. 1295 A) в виде гармонии разных тонов. Свойственное эпохе аристократическое понимание этой теории выражено в заключительных стихах на тему «Чем был бы муж благородного происхождения без меча» (*Theod. Prodr.* 381—382: «*τί γὰρ ζήφου λείποντος ἀνὴρ γεννάδας; ἢ τί ζήφος λείποντος ἀνδρὸς γεννάδου*»), которыми завершается серия картин из области военного дела и ремесел, служащих для изготовления рыцарского вооружения. Ведь именно военная аристократия XII в. стремилась устранить действовавший до того принцип вертикального движения византийского общества и создать закрытый класс элиты³⁶.

Знаменитый историк античного романа Э. Роде сказал о византийских романах, что это «*unerfreuliches Schattenleben der Gespenster altgriechischer Bildung*». Да и что именно могло бы нас в них заинтересовать? — спрашивает он и отвечает известным испанским изречением «*Non ragio-*

бой (*Theod. Prodr.* IV. 122—3: «*τὸ δειπνον... πρὸς τὸ θαυμάσιον ἡτοιμαμένον; Tzetzes. loc. cit.: καινὰ πλάσματα τε καὶ γοητεύματα, ὧν ἡ κοιλία προκάθηται... ἰχθύας τυραννομένους εἰς ὄρνιθας καὶ ὄρνιθας εἰς ἰχθύας μεταπλαττομένους*». Ср. также: *Eut. Macremvol.* II, 13, 1: «*τροφαί... ὄσας χεῖρ καὶ τέχνη μαγείρων ἐπιβάσαν, ὡς ἰχθὺς ἐξ ἄγρου καὶ ὡς ἐκ θαλάττης ταῶς*»). Существуют также доказательства о выступлении мимов во время пиршества. Мануил Комнин принял во Влахернях Людовика VII «*dapum deliciis voluptuosis iocorum plausibus*». См: PL. 185. Col. 1221; *Const. Porph.* 'Εξέσις. 592, 7: «*ἔπεισαν καὶ τὰ θυμηλικά πάντα παίγνια*» («во время пиршества для сарацинских посланников»). Относительно сладостей, подававшихся на свадебных пирах (*πλακοῦς, σισαμοῦς*), ср: *Κουκουλές Θ. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμὸς. Ἀθήναι, 1952. V. Σ. 115—118; относительно свадебного танца с платком *μανθῆλια* см.: *Ibid.* Σ. 228; *Nic. Eugen.* VII. 275—208: «*λατῶσα χειρόμακτρα χεραὶ ταῖς δύο ὄρχητιν φέρησαστο*».*

³⁵ Относительно пародии в византийском романе ср.: *Hunger H. Op. cit.* S. 28—30.

³⁶ *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'empire byzantin. P., 1975. P. 129—133; Каждан А. П. Указ. соч.* Из числа остальных писателей романов в качестве свидетельства об идеологии эпохи можно как будто привести подчеркивание *συνεργία* между человеком и богом при воздействии на судьбу человека (См.: *Nic. Eugen.* IV.38; 95; V.347; VII.209; VIII, 154), которое выходит на передний план у историков начиная с XI в. Ср.: *Досталова Р. Византийская историография: характер и формы // ВВ. 1982. Т. 43. С. 32.*

nam di lor, ma guarda e passa»³⁷. Но мы, наоборот, видели, что византийские читатели из кругов компиновского двора, как мужчины, так и женщины, могли испытывать удовольствие от чтения этих романов, а герои их ничуть не должны были казаться им чужими. Роде пишет об авторах романов, что они только «подражатели Ахилла Татия и Гелиодора». Однако, трое из их числа не стремились подражать по форме своим образцам. До сих пор не был дан ответ на вопрос, почему эти византийские авторы избрали именно стихотворную форму и почему их рассказ отличается высокой степенью лиричности, а иногда и вставленными в текст стихами. В заключение статьи хотелось бы высказать предположение, что это развитие происходило в тесной связи с эволюцией восточного арабского и персидского романов XI в.

К. Купане, исходя из мотива Божьего суда огнем у Феодора Прододрома (*Theod. Prodr.* I. 372—404), видела именно в нем, представляющем собой единственный случай в византийской литературе, доказательство западных влияний на византийский роман³⁸. Источник для этой сцены она искала в испытании огнем, которое произошло в 1099 г. в Антиохии при попытке доказать подлинность Святого копья и которое описано в хронике Раймонда Ажилльского³⁹. Однако, суд огнем мы находим также в персидском романе в стихах Фахриддина Гургани «Вис и Рамин», переведенного с пехлеви между 1042—1055 гг. Гургани был чиновником при дворе основателя сельджукского государства Тогрул-бека. В данном стихотворении шах хочет подвергнуть испытанию огнем свою жену Вис, чтобы удостовериться в ее невинности:

Он приказал мне «Сквозь огонь пройди (ср.: *Theod. Prodr.* I.379: εἰς μέσην βήτω φλόγα).
всех в чистоте своей ты убеди. Пускай узнает мир, что ты невинна, что Вис оклеветали и Рамина»⁴⁰ (ср.: *Theod. Prodr.* I.371: συκοφαντεῖ τοὺς κακῶν ἐλευθέρους).

Сейчас мы уже знаем, что древний арабский писатель Ибн-Надим, писавший при Салх-бен-Гаруне, черпал материал из греческого эллинистического романа Метехохий и Парфенопея, от которого сохранились только фрагменты на папирусе⁴¹. Сюжет попал в арабскую литературу через коптский мартирологий, где повествует о святой Бартанубе, и был обработан в XI в. Унсури (ум. 1039—1040), персидским поэтом при дворе Махмуда из Газны, в романе в стихах «Вамик и Азра» (т. е. дева). От этого романа сохранились только 141 отдельный стих в словарях и более крупный фрагмент, состоящий из 316 стихов⁴². Роман, по всей види-

³⁷ Rohde E. Der griechische Roman. 4. Aufl. B., 1960. S. 555 (522).

³⁸ Cupane C. Un caso di giudizio di Dio nel romanzo di Teodoro Prodromo. *Rivista di studi biz. e neell.* NS. 1973/4. 10—11. P. 147—168.

³⁹ Hill L. L., Hill J. H. Le Liber de Raymond d'Aguilers // *Documents relatifs à l'hist. des Croisades.* P., 1969. IX. P. 120—122.

⁴⁰ *Фахриддин Гургани. Вис и Рамин* / Пер. с персидского С. Липкина. М., 1963. С. 201; персидский роман был переведен на грузинский язык под названием Висрамини (Visramiani / Transl. from the Georgian version by O. L. Wardrop. 1914. *Oriental transl. fund NS.* Vol. XXIII). Эпизод с судом огнем см.: XXVIII. 148; о восточном мотиве у Феод. Продр. см. также: Rohde E. Der griechische Roman. B., 1960. S. 563. Anm. 2.

⁴¹ Maehler H. Der Metiochos-Parthenope Roman // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1976. 23. S. 1—20; Gronewald M. Ein neues Fragment aus dem Metiochos-Parthenope Roman // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1977, 24. S. 21—22; Hägg T. The Parthenope-Romance Decapitated? // *Symbolae Osloenses.* 1984. 59. P. 61—92; относительно возможного влияния греческого романа на Рассказы 1001 ночи ср.: Von Grünebaum G. E. Greek Form Elements in the Arabian Nights //

⁴² *Journal of American Oriental Society.* 1942. 62. P. 277—292. Shafi M. M. Unsurī's Wāmiḡ wa ḤAdhrā // *Proceedings of the 23rd International Congress of Orientalists, August 1954. L., 1954.* P. 161. Фрагменты издал М. М. Шафи (Лахор, 1967). Еще В. Ф. Бюхнер (*Enzyklopädie des Islams.* Leiden, 1934. IV. 1022 b, s, v. Unsurī) утверждал, что этот роман основывается на эллинистическом образце. Унсури также считается автором романа о двух любовниках Хинг-бут и Сурх-бут. По Е. Э. Бертельсу (*Избранные труды: История персидско-таджикской литературы.* М., 1960. С. 313, примеч. 41), эпизод, рассказывающий об этих любовниках, встре-

мости, находился в обращении до XIII века и совершенно исчез два века спустя.

Нас в данном случае интересует только основная схема романа Унсури: Азра, дочь Поликрата, тирана на острове Самос, влюбляется в Вамика, с которым она познакомилась во время посещения храма Геры. По ее настоянию родители дают согласие на брак. Однако отец затем изменяет свое решение, а позднее гибнет при нападении врагов. Азра и Вамик попадают в плен к другому правителю, и после того, как Азра в течение четырех лет сумела устоять против его любви, правитель отпускает их на свободу, и роман оканчивается благополучно.

С этой схемой можно сравнить некоторые черты другого персидского романа в стихах «Варк и Гольшах»⁴³, автором которого был в первой половине XI в. Айюки: молодые люди влюбляются друг в друга с первого взгляда, родители дают согласие на брак. Гольшах во время нападения похищают враги, но она умеет устоять против предложений их начальника. Варк освобождает ее и уходит, чтобы принять участие в дальнейших битвах. Родители Гольшах нарушают обещание, данное Варку, и выдают Гольшах замуж за сирийского царя, Варку же они сообщают, что Гольшах умерла. Гольшах противится любовным предложениям своего супруга, сирийского царя. Когда царь видит любовь Гольшах к Варку, он отпускает ее от себя, и роман снова кончается благополучно — влюбленные сочетаются браком.

Некоторые из этих основных мотивов, например сохранение героиней девства, несмотря на брак с нелюбимым мужчиной, встречаются также в романе «Вис и Рамин». Следовательно, можно согласиться со взглядом Э. Бертельса относительно значительного влияния античного греческого романа на персидский⁴⁴ и принять во внимание совместные корни последнего с византийским, который, однако, был гораздо теснее связан с античными образцами, все еще жившими в Византии той эпохи.

Меликян-Ширвани⁴⁵, издатель французского перевода «Варк и Гольшах», видит чуждый исламу элемент в мотиве «злонамеренной судьбы», «несправедливой судьбы» и в пессимистическом отношении к жизни в персидских романах; поэтому он ищет их корни в доисламских иранских гетеродоксиях. Однако, такие мотивы типичны для эллинистического греческого романа (*βάζκανος τύχη* и т. д.), а аналогичный взгляд на человеческую жизнь мы находим, например, в гномах, сохранившихся от романа Константина Манассии⁴⁶.

Принято считать, что на лирический оттенок персидских романов повлияла арабская традиция о любви поэтов (например, рассказ об Урве и Агре)⁴⁷. В особенности роман «Варк и Гольшах», но также и «Вис и Рамин», содержат вставленные в них любовные стихотворения или песни, которые читают или поют герои рассказа, как мы это находим — в полном противоречии с античной традицией — у Феодора Продрома, у Никиты Евгениана, который много почерпнул из античной лирики и эпиграмм Анакреона, а также у Евматия Макремволита. В поэзии эпохи Аббасидов также появилась привычка вплетать в собственные

чается в уникальной тегеранской рукописи Искандар-наме (Александрейда) X—XI вв. Мотив о нахождении рассказа, начертанного на деревянных досках и найденного Александром Великим на могиле любовников в Фергане, идентичен с мотивом античного романа Антония Диогена: и в нем рассказ был якобы найден Александром Великим на деревянных досках в могиле одного из персонажей в Тире. часть рассказа происходит далеко на Востоке.

⁴³ Le roman de Varge el Golsâh / Ed. par A. S. Melikian-Chirvani // Arts Asiatiques. Numéro special. P., 1970.

⁴⁴ Бертельс Э. Э. *Op. cit.* С. 240—241; Мелетинский Е. М. Указ. соч. М., 1983. С. 19—20; 158—159. Он принимает этот роман критически.

⁴⁵ Le roman de Varge el Golsâh. . . P. 35—38.

⁴⁶ Konstantin Manasses / Ed. O. Mazal. Wien, 1967. P. 188. N 92; P. 199, N 137; P. 204, N 159; сравнение жизни человека с дымом и тенью мы находим еще у Пиндара и античных писателей трагедий.

⁴⁷ Мелетинский Е. М. Указ. соч. С. 161—163.

произведения стихи другого поэта⁴⁸. В введении к своей обработке «Варк и Гольшах» Айюки подчеркивает, что только стих придаст слову краску:

Nul doute que le vers para le verbe de couleurs
En vers je mettrai une étonnante aventure.

Нет сомнений и в том, что персидский роман XI в. представлял собой придворную литературу, подобно византийскому роману XII в., и что он также проник в турецкую Анатолию, хотя турецкие версии романа «Варк и Гольшах» относятся только ко времени начиная с XIV в. и позже. В литературе обычно подчеркивается пристрастие Мануила I ко всему латинскому. Но мы знаем, что в течение некоторого времени он поддерживал дружеские связи с Килич Арсланом, который в 1161—1162 гг. подолгу пребывал при константинопольском дворе, где в его честь устраивались пиршества и торжества⁴⁹. У Киннама мы находим, что один из племянников Мануила даже после битвы при Мириокефале повелел украсить свой дом росписью, прославляющей султана из Икония⁵⁰. Византийские мятежники искали убежище у турецких правителей: например, Андроник проживал некоторое время у Иззраддина Сальдука в Эрзеруме⁵¹, в Константинополе жили турецкие купцы⁵², турецкие наемные солдаты и офицеры входили в состав византийской армии⁵³. У нас нет документов, свидетельствующих о непосредственном влиянии персидских романов на византийские⁵⁴, однако начиная с конца XI в. имеются доказательства того, что в Византии существовал интерес к восточным сюжетам в беллетристических произведениях: об этом свидетельствуют перевод романа «Стефанит и Ихнилат» по инициативе Алексея Комнина и перевод Синтипы по заказу Михаила Андропула из Мелитены.

Итак, зная, что начала персидского романа следует искать там же, где и начала византийского, можно принять гипотезу о том, что образом для формы византийского романа в стихах послужили стихотворная форма и лирический характер персидского романа. С другой стороны, вполне возможно, также типологическое совпадение, вызванное вкусами данного времени и повышенным интересом, который проявляли читатели — аристократы, возможно, как указывалось в начале доклада, преимущественно женщины, к лирической стороне литературного произведения.

⁴⁸ Von Mehren A. F. Rhetorik der Araber. Kopenhagen, 1857 // Repr. N. Y.; Hildesheim, 1970. S. 138—139.

⁴⁹ Nic. Chon. P. 118—122.

⁵⁰ Ioannes Cinnamos. Epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenis gestarum. Bonnæ, 1836. P. 267. Другим документом, подтверждающим «культурные» связи в военное время, являются два полемических письма на арабском языке, написанные в стихах, которыми обменялись император Никифор и багдадский калиф в X в. Ср.: G. von Grünebaum. Eine poetische Polemik zwischen Byzanz und Bagdad im X. Jahrhundert // Studia Arabica 1. Roma, 1937. P. 43—64. С византийской стороны стихи были, по-видимому, написаны каким-то арабом-христианином по повелению Никифора.

⁵¹ Nic. Chon. P. 142.

⁵² Ibid. P. 384.

⁵³ По А. П. Каждану (Указ. соч. С. 262), несмотря на подчеркиваемое в литературе пристрастие Мануила ко всему «латинскому», турецкие начальники занимали более важные места в византийской армии, чем «латинцы».

⁵⁴ Le roman de Vargeel Colšâh. . . Not. 42, P. 44—45 приводит сравнение красивой женщины с идолом, статуей в качестве частого сравнения в персидской поэзии (ср.: Ibid. P. 111, двустишие 220: идол — au doux visage) и в других местах. Сравнение, которое мы находим у Феодора Продрома не является для греческой поэзии типичным.